

~~Книжка А.~~

к.к. 3.1
н.д.
№ 11

ВИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

75/22.1/8

Х.И.П.

1874 м. 11



563/97

А. И. АРТЕМЬЕВЪ¹⁾
(НЕКРОЛОГЪ).

Въ ноябрьской книжѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщено окончаніе статьи, которая, подъ заглавіемъ „Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи“, представляетъ рядъ весьма любопытныхъ очерковъ изъ исторіи просвѣщенія въ сѣверо-восточной Россіи, въ серединѣ прошлаго вѣка. Автору этого труда не суждено было видѣть его окончаніе въ печати: Александръ Ивановичъ Артемьевъ скончался 29-го сентября текущаго года здѣсь въ Петербургѣ, послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ страданій.

Имя его не принадлежало къ числу общеизвѣстныхъ за предѣлами круга ученыхъ специалистовъ. Но тѣмъ не менѣе А. И. Артемьевъ олицетворялъ собою одинъ изъ лучшихъ типовъ ученаго дѣятеля. Любовь къ наукѣ и обширность познаній соединялись въ немъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ и необыкновенною скромностью: въ глазахъ многихъ это рѣдкое достоинство, быть можетъ, заслоняло другія его качества, какъ ученаго и человѣка; но кто ближе всматривался въ эту личность, для того скромность покойнаго лишь арче освѣщала его достоинства.

Александръ Ивановичъ былъ уроженецъ юго-восточной Россіи: онъ родился въ г. Хвалынскѣ 4-го октября 1820 года. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ пере-

¹⁾ Скучныя біографическія данныя этого некролога заимствованы изъ формулярнаго списка А. И. Артемьева и краткой записки о его жизни, составленной съ его собственныхъ показаній и напечатанной въ № 193 *Всемирной иллюстраціи* 1872 года, гдѣ можно найти и весьма схожій портретъ покойнаго. Нельзя не пожелать, чтобы кто-либо изъ лицъ, близко и много лѣтъ знавшихъ его, составилъ обстоятельную его біографію.

шелъ въ Саратовскую гимназію, и по окончаніи здѣсь курса въ 1837 году, поступилъ въ Казанскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по восточному отдѣленію и разряду китайской словесности. По тогдашнему распредѣленію предметовъ преподаванія на этомъ факультетѣ, студенты слушали почти полный курсъ отдѣленія словеснаго; такимъ образомъ, и Александръ Ивановичъ, состоя на китайскомъ разрядѣ, слушалъ всеобщую и русскую исторію у одного изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ этого предмета въ свое время— Н. А. Иванова, извѣстнаго обширностью своихъ познаній и большимъ критическимъ талантомъ. Подъ руководствомъ даровитаго преподавателя А. И. Артемьевъ пристрастился къ изученію русской исторіи и древностей. Съ другой стороны, и способности молодого человѣка не остались незамѣченными его наставниками: онъ окончилъ университетскій курсъ въ 1841 году съ золотою медалью и степенью кандидата и былъ оставленъ при университетѣ въ должности помощника бібліотекаря (съ 10-го января 1842 года).

Съ первыми мѣсяцами службы покойнаго въ этой должности совпадаетъ одно изъ тѣхъ печальныхъ событій, жертвою которыхъ не разъ была Казань, какъ многіе другіе русскіе города, особенно въ то время. Описаніе этого событія сохранилось въ одной изъ статей покойнаго, и мы приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно живо изображаетъ и ученія наклонности молодого бібліотекаря, и его горячее религиозное чувство: „Страшный пожаръ 24-го августа 1842 года, разрушившій большую часть Казани, истребившій астрономическую и магнитную обсерваторіи и другія зданія университета, грозилъ тѣмъ и бібліотекѣ... Уже загорѣлось заднее крыльцо и весь юго-западный уголь ея, сторѣли рамы, и затворились желѣзныя ставни въ окнахъ ея съ южной стороны; ураганъ сыпалъ миллионы искръ и бросалъ цѣлыя головни внутрь главной залы... Спасать, то-есть, выносить 40.000 волюмовъ, не было никакой возможности; да и куда спасать, когда казалось, что жертвою пламени будетъ весь городъ?... Только то, что составляло гордость бібліотеки, важнѣйшія изъ рукописей были вынесены на рукахъ студентовъ на Арское Поле—остальное передано на волю Божию. Снова съ опасностью жизни затворили ставни, заперли двери; бібліотекаръ перекрестилъ эту дверь, самъ и его помощники поклонились предъ нею въ знакъ прощанья... Трогательно было это прощанье!... И сила Животворящаго Креста спасла бібліотеку, потому что силы человѣческія никогда бы не были въ состояніи это сдѣлать. Библиотека собою даже защищала всѣ прочія зда-

ніа университета: загорись она, тогда неизвѣстно чѣмъ и когда кончился бы пожаръ?...¹⁾ Такимъ образомъ, бібліотека уцѣлѣла, и утраты ея въ этотъ день простирались всего до 73 сочиненій; но на долю А. И. Артемьева, какъ и другихъ хранителей, выпало нелегкое дѣло—приводить ее въ порядокъ послѣ грезившей опасности.

Александръ Ивановичъ любилъ и зналъ книги, и потому должность, которую онъ занималъ, была ему вполне по душѣ. За то и обязанности бібліотекаря, которыя онъ несъ на себѣ около десяти лѣтъ, были имъ выполнены такъ, какъ онѣ рѣдко выполняются другими. Онъ написалъ исторію бібліотеки Казанскаго университета (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1851 г., чч. LXX и LXXII, отд. III), издалъ въ 1851 г., въ Казани, каталогъ русскихъ и иностранныхъ книгъ той части ея, которая носитъ названіе студентской (въ 1850 г. въ ней было 2.220 названій, 6.394 экземпляра въ 9.839 томахъ на сумму 20.619 руб. 90 коп.), и наконецъ, составилъ весьма замѣчательное подробное описаніе славянскихъ, русскихъ и вообще европейскихъ рукописей, принадлежащихъ бібліотекѣ (въ 1851 г. ихъ числилось тамъ 190). „Въ описаніи своемъ“ — такъ говорилъ въ послѣдствіи авторъ о своемъ трудѣ, — „я не только старался опредѣлить вѣкъ рукописи и мѣсто ея написанія, но также, смотря по надобности, излагалъ содержаніе рукописей и привелъ много извлеченій изъ нихъ какъ для ознакомленія съ языкомъ рукописи, такъ и для показанія любопытнѣйшихъ фактовъ. Описаніе свое я дополнялъ разными историческими примѣчаніями и бібліографическими ссылками на изданія гг. Кеппена, Востокова, Строева и проч., и присовокупилъ алфавитный указатель всѣхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ рукописяхъ или въ описаніи ихъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, я, по мѣрѣ возможности, описанія свои сравнивалъ съ рукописями одинаковаго содержанія, находящимися въ Императорской Публичной бібліотекѣ и Румянцевскомъ музеумѣ, и также, гдѣ, по моему мнѣнію, казалось это нужнымъ, сдѣлалъ замѣчанія о найденныхъ мною различіяхъ или сходствѣ между рукописями этихъ бібліотекъ и бібліотеки Казанской. Сверхъ того, я снялъ также нѣсколько заводскихъ знаковъ (Wasserzeichen) съ бумаги, не помѣщенныхъ въ палеографическихъ снимкахъ Лаптева и Тромонина. Въ такомъ видѣ и по такому плану составлялось мною, и составлено, опи-

¹⁾ Прогулки по Казани. VI. Университетская бібліотека, стр. 150 — 152 (отдѣльные оттиски изъ *Казанскихъ губернскихъ ведомостей* 1850 года).

саніе рукописей бібліотеки Императорскаго Казанскаго университета. Знаю, что планъ этотъ былъ слишкомъ обширенъ, и можетъ быть, не вполне соотвѣтствуетъ какъ моимъ силамъ и палео-бібліографическимъ познаніямъ, такъ и важности самыхъ рукописей, — тѣмъ не менѣ могу сказать, что выполнить его старался я по крайнему разумѣнію и съ полною добросовѣстностью, тѣмъ болѣе, что, занимаясь преимущественно изученіемъ русскихъ древностей, я видѣлъ въ этомъ трудѣ много пользы для самого себя... Полное „Описаніе“ едва ли когда будетъ издано мною; по крайней мѣрѣ собственныхъ средствъ къ этому я не имѣю...¹⁾

Дѣйствительно, почтенный трудъ А. И. Артемьева остался не изданнымъ за исключеніемъ одного отдѣла — рукописей историческихъ, описаніе которыхъ, въ числѣ 70-ти, появилось въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1852 — 1857 гг. (чч. LXXV, LXXXIII, XC и XCIV), и еще нѣсколькихъ отрывковъ, разсѣянныхъ въ другихъ журналахъ. Но всѣ эти отрывки доказываютъ, что бібліографическая задача, которую поставилъ себѣ А. И. Артемьевъ, была имъ рѣшена весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Послѣ появленія Востоковскаго „Описанія рукописей Румянцевскаго музея“ и до выхода въ свѣтъ превосходнаго труда А. В. Горскаго и К. И. Невоструева Московской Синодальной бібліотекѣ у насъ едва ли появлялась другая палео-бібліографическая работа, столь широко задуманная и столь отчетливо выполненная, какъ описаніе, составленное А. И. Артемьевымъ. Поэтому весьма желательно, чтобы прекрасный трудъ покойнаго — если только онъ сохранился въ цѣлости — былъ, наконецъ, обнародованъ въ полномъ видѣ: хотя рукописный отдѣлъ Казанской бібліотеки и не имѣетъ первостепенной важности, тѣмъ не менѣ означеніе съ нимъ не можетъ быть бесполезно для науки.

Одновременно съ описаніемъ рукописей Казанскаго университета А. И. Артемьевъ пересмотрѣлъ и старинный архивъ Казанскихъ гимназій и изъ „десятковъ тысячъ листовъ его“ извлекъ тѣ любопытныя данныя, которыя легли въ основаніе позднѣйшихъ статей его объ этихъ гимназіяхъ, написанныхъ въ 1866 году, а напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Но между тѣмъ какъ бібліотечныя и архивныя работы Александра Ивановича совершались исподволь, рядъ другихъ ученыхъ изысканій былъ предпринятъ имъ для написанія магистерской диссертации. Четыре

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1852 г., № 9, отд. III, стр. 23—24.

года спустя по выходе из университета, А. И. Артемьевъ выдержалъ экзаменъ на степени магистра историческихъ наукъ и 15-го февраля 1846 года публично защищалъ диссертацию, написанную на тему: „Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“ (Казань, 1845). Это, къ сожалѣнію, весьма мало известное сочиненіе покойнаго принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій по варяжскому вопросу. Въ немъ сдѣлана попытка разсмотрѣть этотъ вопросъ съ культурной стороны; авторъ, тщательно собравъ и разобравъ мнѣнія прежнихъ ученыхъ о свойствахъ и степени вліянія Варяговъ на Славянъ, приходитъ къ заключенію, что Варяги (Скандинавы), во время пришествія ихъ въ землю Славянскую, были народомъ безземельнымъ, кочевымъ; что будучи призваны послѣдними, они сдѣлались повелителями по добровольному подданству, а не по насилію; что эти пришлые люди были весьма немногочисленны и притомъ безсемейные, холостые. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что Варяги стояли на низшей степени образованности, чѣмъ Славяне, которые вели жизнь осѣдлую, домовитую, имѣли законы и промышленность, и что посему Варяги не могли имѣть сильнаго вліянія на Славянъ, да и дѣйствительно, не имѣли его, тѣмъ болѣе, что на всѣ стороны народной жизни Славянъ, и особенно, на самый духъ народа и умственное его просвѣщеніе оказывала сильное и рѣшительное дѣйствіе Византія. Изданное въ періодъ сильнаго господства норманизма, сочиненіе А. И. Артемьева представляетъ смѣлый и основательный отпоръ той теоріи, по которой весь внутренній строй жизни въ древнѣйшей Руси представляется съ рѣзкимъ отпечаткомъ норманскаго характера. Уже въ этой диссертации А. И. Артемьевъ обнаружилъ свое особенное вниманіе къ вопросамъ исторической этнографіи, которые не разъ занимали его и впослѣдствіи ¹⁾.

¹⁾ Считаемо не лишнимъ привести здѣсь положенія этой диссертации подлинными словами автора, тѣмъ болѣе, что въ числѣ тезисовъ, выставленныхъ авторомъ, есть нѣсколько такихъ, кои не касаются ближайшимъ образомъ предмета его сочиненія:

«I. Славяне болѣе Варяговъ имѣли средствъ къ преуспѣянію своей гражданственности, а потому и стояли выше ихъ.

«II. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было незначительно.

«III. Несравненно важнѣе, чѣмъ вліяніе Варяговъ, было дѣйствіе Византіи на древнюю Русь. Оно простиралось на всѣ главнѣйшія условія тогдашней русской гражданственности.

«IV. Исторія русскаго права, равно какъ и исторія русскаго гражданскаго общества, должна начинаться до призванія Варяговъ.

Въ то же время интересовался онъ и вопросами мѣстной исторіи и этнографіи Казанскаго края, гдѣ соприкосновеніе русскаго народнаго быта съ бытомъ инородцевъ и особенности того и другаго невольно обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя. Назначенный въ 1844 года редакторомъ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей*, А. И. Артемьевъ, помѣстилъ здѣсь много статей и замѣтокъ историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ о тамошнемъ краѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: „Моровое повѣтріе въ Казани въ 1654—1656 годахъ“ (перепечатана въ *Маякѣ* 1844 года, ч. XVIII) и „Прогулки по Казани“, рядъ очерковъ, представляющихъ занимательное и богатое свѣдѣніями описаніе и исторію Казанскихъ достопримѣчательностей, преимущественно разныхъ коллекцій и ученыхъ учреждений при университетѣ. Для однихъ изъ этихъ статей, онъ добывалъ матеріалы поисками въ архивахъ казенныхъ учреждений; другія заключали въ себѣ плоды его личныхъ наблюденій во время многочисленныхъ разъѣздовъ по губерніи. Вообще изыскательность его въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи и народнаго быта принимала самое разнообразное направленіе, и всюду готовъ онъ былъ приложить свой трудъ и знаніе, лишь бы освѣтить не разъясненные или забытыя явленія. Такъ, напримѣръ, собравъ въ статьѣ своей о библиотекѣ Казанскаго университета любопытныя свѣдѣнія объ одномъ

«V. Направленіе, данное изысканіямъ по русской исторіи Шлѣцеромъ, сосредоточивъ вниманіе изслѣдователей исключительно на первомъ ея періодѣ, замедлило успѣхи обработанія прочихъ ея частей, въ особенности же помѣшало внимательному разсмотрѣнію гражданскаго быта древней Руси въ разные періоды ея существованія.

«VI. Сомнѣнія въ подлинности Несторова временника, равно какъ и толки о Варягахъ, не принесли существенной пользы русскому дѣписанію.

«VII. Основныя положенія Венелина и его послѣдователей могутъ удовлетворить даже требованіямъ осмотрительной исторической критики; но въ частностяхъ они слишкомъ увлеклись догадками, которыя нѣрѣдко вредятъ главному дѣлу.

«VIII. Изслѣдованія о Смутномъ періодѣ понинѣ не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что вниманіе изыскателей обращалось преимущественно на личность самозванцевъ, а не на пружины, двигавшія тогдашнія событія.

«IX. Неправедливо утверждаютъ, будто до Петра Великаго у насъ существовало коллегіальное устройство судовъ. Во всей древней Руси управленіе было личное, основанное на единоначаліи.

«X. Доселѣ сдѣланныя попытки обработанія русскихъ древностей не имѣютъ никакого основанія и показываютъ, что занимавшіеся этимъ предметомъ не дали себѣ отчета, какими правилами надлежитъ руководствоваться въ этомъ отношеніи».

изъ первыхъ вкладчиковъ ея, В. И. Полянскомъ, онъ печатно при глашалъ доставлять новыя о немъ біографическія данныя „на имя редактора неофициальной части губернскихъ вѣдомостей, въ университетъ“ и заявлялъ „живѣйшую готовность“ заняться ихъ обработкою; и эта „живѣйшая готовность“ никогда не была у него пустымъ, празднымъ словомъ. При такихъ условіяхъ, при такой постоянной дѣятельности, редакторство А. И. Артемьева чрезвычайно оживило мѣстную газету и привлекло къ ней полезныхъ сотрудниковъ: извѣстное сочиненіе В. А. Сбоева о Чувашахъ написано въ формѣ писемъ къ А. И. Артемьеву и первоначально появилось въ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ*. Тамъ же, если не ошибаемся, были напечатаны первыя статьи дѣльнаго этнографа Казанскаго, С. Михайлова, природнаго Черемисина. Статьи небольшой Казанской газеты были замѣчены столичными журналистами, которые стали перепечатывать ихъ въ своихъ изданіяхъ.

Быть можетъ, поощряемый этимъ успѣхомъ, Александръ Ивановичъ и самъ началъ посылать свои статьи, также по мѣстной исторіи, для напечатанія въ Петербургъ и Москву: такъ, въ *Сѣверномъ Обзорѣ* 1848 г., № 1, появилась довольно большая рецензія его на сочиненіе г. Н. Баженова: „Казанская Исторія“ (Казань, 1847 г.), а въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1851 г., кн. 1, статья: „Древній болгарскій городъ Жукотинъ“, въ которой точно опредѣлено мѣстоположеніе этого города въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ на его мѣстѣ и по нынѣ существуетъ село того же имени. Объ участіи А. И. Артемьева въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, начало котораго восходитъ къ тому же времени, упомянуто выше.

Кромѣ того, около этого же времени, А. И. Артемьевъ сталъ сообщать въ *Москвитянинъ* корреспонденціи объ ученыхъ новостяхъ Казанскихъ и вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми учеными обществами обѣихъ столицъ. Въ XI-й книгѣ *Временника Общества Исторіи и Древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ* (1851 г.) напечатана статья А. И. Артемьева: „Каталоги библиотеки Московской синодальной типографіи“, составленная на основаніи копій съ нихъ, принадлежащихъ Казанской университетской библиотекѣ; а въ томъ III-мъ *Записокъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества* (1851 года) появилась его статья: „Медальныя комитеты, учрежденные императрицею Екатериною II“, съ любопытными свѣдѣніями о медаляхъ, выбитыхъ по повелѣнію Екатерины на разныя событія изъ цар-

ствованія Петра Великаго, на основаніи документовъ, также хранящихся въ Казанской библиотекѣ; сверхъ этого, въ *Перечнѣ заступаній* того же общества за 1850 годъ (изд. 1851 г.) помѣщены: „Минцъ-кабинетъ Императорскаго Казанскаго университета“ и „Разгадка старинной анаграммы, помѣщенной въ послѣсловіи къ житію св. Александра Невскаго“. Еще ранѣе присылки этихъ статей, 14-го февраля 1850 года, А. И. Артемьевъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 8-го февраля 1850 года, состоялось избраніе его и дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго общества. Около этого времени онъ задумалъ составить, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій и другихъ матеріаловъ, общее описаніе Казанской губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ; первую часть этого труда онъ и препроводилъ въ Географическое общество, но здѣсь она осталась не напечатанною¹⁾.

Такая участь одного изъ большихъ трудовъ А. И. Артемьева, присланнаго въ Петербургъ, не охладила, однако, ученой дѣятельности Александра Ивановича и не прекратила уже завязанныхъ имъ ученно-литературныхъ сношеній съ обѣими столицами; а вскорѣ затѣмъ переселеніе его въ Петербургъ помогло его личному сближенію съ тѣмъ кругомъ людей науки, который по преимуществу интересовалъ его въ столицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставило возможность людямъ, которые были знакомы только съ учеными трудами Александра Ивановича, оцѣнить его высокія личныя достоинства.

Еще въ 1851 году А. И. Артемьевъ, безъ всякаго исканія съ своей стороны, получилъ приглашеніе отъ графа Л. А. Перовскаго служить по министерству внутреннихъ дѣлъ. Годъ спустя по полу-

¹⁾ Рукопись была взята на разсмотрѣніе однимъ изъ членовъ Общества и не заслужила его одобренія; причиною тому были, по видимому, нѣкоторыя стилистическія шероховатости, слишкомъ поразившія столичнаго рецензента въ трудѣ провинціальнаго писателя; такъ, по крайней мѣрѣ, можно догадываться по замѣткамъ критика на поляхъ рукописи, которая и по нынѣ находится въ ученомъ архивѣ Общества. Когда, лѣтъ семь тому назадъ, пишущій эти строки нашелъ ее въ этомъ складѣ и сообщилъ о томъ автору, оказалось, что почтенный Александръ Ивановичъ ничего не зналъ о судьбѣ своего сочиненія съ самаго того времени, какъ отправилъ его въ Петербургъ: переселившись впоследствии въ столицу и сдѣлавшись однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Географическаго общества, онъ, по обычной своей скромности, никогда не рѣшался навести справку о томъ, что стало съ его сочиненіемъ.

ченіи этого приглашенія, онъ былъ причисленъ (9-го апрѣля 1852 г.) къ названному министерству и покинулъ Казань. Съ перваго дня прибытія въ Петербургъ поставленный въ прямыя сношенія съ покойными Н. А. Милутинымъ и Н. И. Надеждинымъ, А. И. Артемьевъ началъ работать не канцелярскія работы. Въ ту пору снаряжались министерствомъ статистическія экспедиціи, и А. И. Артемьевъ былъ назначенъ членомъ-редакторомъ одной изъ нихъ, направленной въ Ярославскую губернію¹⁾. Эта экспедиція еще болѣе, чѣмъ частныя поѣздки по Казанской губерніи, была для А. И. Артемьева практической школой, въ которой онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ приемами и способами собиранія статистическихъ свѣдѣній, а также съ народною жизнью въ одной изъ самыхъ промышленныхъ великорусскихъ губерній. Здѣсь встрѣтился онъ, между прочимъ, съ обширнымъ распространеніемъ раскола, наблюдалъ вліяніе раскольничьихъ понятій безпоповщины на разныя стороны народнаго быта и изучалъ особенности различныхъ сектъ; наглядное и близкое знакомство съ этимъ поразительнымъ явленіемъ русской жизни не могло не оказать сильнаго вліянія на весь складъ общественныхъ воззрѣній умнаго и проницательнаго наблюдателя. Масса свѣдѣній, собранныхъ этою экспедиціей, по огромности своей, не могла быть издана вполнѣ, но только главнѣйшіе выводы напечатаны въ особой книгѣ: „О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской“ (С.-Петербургъ, 1861 г.); это изданіе можно однако считать библиографическою рѣдкостью; ибо большая часть экземпляровъ его погибла въ пожарѣ, бывшемъ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ 28-го мая 1862 года. Послѣ объѣзда Ярославской губерніи, А. И. Артемьевъ носѣтилъ, также по дѣламъ службы, Саратовскую губернію, а по возвращеніи изъ экспедиціи былъ назначенъ, 28-го іюня 1853 года, старшимъ производителемъ, (впослѣдствіи редакторомъ) статистическихъ работъ въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который позже получилъ названіе центральнаго статистическаго комитета.

Ровно двадцать лѣтъ, до назначенія въ 1871 г. членомъ статистическаго совѣта, А. И. Артемьевъ оставался въ этой должности и былъ

¹⁾ Личный составъ этой экспедиціи былъ слѣдующій: начальникъ — И. М. Синицынъ (ум. въ 1856 г.), члены — Д. К. Насиловъ, А. И. Пискаревъ, графъ А. К. Сиверсъ, Г. Г. Григорьевъ, и А. И. Артемьевъ. Впослѣдствіи къ экспедиціи былъ присоединенъ графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій. Въ то же время такая же экспедиція была отправлена въ Нижегородскую губернію.

постояннымъ участникомъ всѣхъ преобразованій по статистической части и всѣхъ ученыхъ работъ комитета, предпринятыхъ въ теченіе этого времени. При его непосредственномъ участіи выработаны планы изданія „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“ (выходящаго въ свѣтъ съ 1861 года); подъ его редакціей и съ его обширными введеніями изданы въ свѣтъ списки губерній: Астраханской, Бессарабской, Казанской, Курской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Ярославской. Имъ же обработаны нѣкоторые важные отдѣлы въ другихъ изданіяхъ комитета, вышедшихъ подъ заглавіями: „Статистическія Таблицы“ (изд. 1856 г.), „Статистическій Временникъ“ (въ особенности VIII-й выпускъ второй серіи этого изданія, заключающій въ себѣ сводъ свѣдѣній о движеніи населенія по Имперіи за 1867 г., съ обширнымъ предисловіемъ объ устройствѣ у насъ статистической регистраціи по этому предмету) и „Санктпетербургъ по переписи 1869 г.“ (въ первомъ выпускѣ этого изданія А. И. Артемьеву принадлежатъ предисловіе, излагающее ходъ всей операціи переписи, и обработка отдѣла о вѣроисповѣданіи, родномъ языкѣ и грамотности жителей столицы). Въ подготовительныхъ работахъ по производству этой переписи, а также къ съѣзду секретарей губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ 1870 году, и еще ранѣе того, по устройству поземельной регистраціи (по нынѣ, впрочемъ, не осуществленному) А. И. Артемьевъ также принималъ самое постоянное и дѣйствительное участіе, внося во всѣ свои работы и сужденія основательность фактическаго знанія и близкое, утвержденное на опытѣ знакомство съ условіями какъ народной жизни, такъ и административной дѣятельности. Всегда высоко цѣнимый и уважаемый своими начальниками, Александръ Ивановичъ являлся постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ своихъ сослуживцевъ, охотно, дружески и безъ малѣйшаго самоуваженія дѣлаясь съ ними своими обширными свѣдѣніями и опытностью.

Кромѣ занятій собственно по статистическому комитету, А. И. Артемьевъ, работая подъ руководствомъ Н. А. Милютина, съ первыхъ дней дѣйствія редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, привлеченъ былъ къ занятіямъ по этому великому вопросу. Подъ его наблюдениемъ и редакціей напечатаны были разныя изданія, относящіяся къ тому, между прочимъ „Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“ (6 томовъ, 1859—1860) и „Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи“ (3 части, 1860—1861). Съ объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года, по мысли Н. А.

Милютина, было предпринято особое ежемѣсячное изданіе, подъ заглавіемъ *Лѣтописи сельскаго благоустройства*, въ которомъ сообщались всѣ правительственныя распоряженія по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ и всѣ свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла въ губерніяхъ; это изданіе также было редактируемо А. И. Артемьевымъ.

Учено-литературная дѣятельность А. И. Артемьева со времени его переселенія въ Петербургъ была въ связи съ его служебными занятіями. Онъ участвовалъ въ редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, и сверхъ того, съ 1857 года по 1862 почти въ каждой книжкѣ его помѣщались библиографическіе разборы статистическихъ изданій и нѣкоторыя другія статьи. Въ двухъ обширныхъ изданіяхъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ онъ также былъ приглашенъ къ дѣятельному сотрудничеству. Такъ, въ „Городскихъ поселеніяхъ Россійской имперіи“ (7 томовъ, 1860—1868) А. И. Артемьеву принадлежатъ историческіе очерки 26 губерній и всѣхъ городовъ въ нихъ (перечень этихъ губерній находится въ предисловіи къ тому I-му), а въ „Экономическомъ состояніи городовъ Европейской Россіи“ имъ описаны нѣсколько южныхъ губерній. По прекращеніи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* А. И. Артемьевъ принималъ участіе въ редакціи *Сѣверной Почты*, а въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* помѣстилъ довольно обширныя статьи: „Подворная перепись населенія г. Перми“, „Фабрично-заводская промышленность, ремесленность и ярмарки Варшавской губерніи“ и „Обозрѣніе смѣты доходовъ и расходовъ города Варшавы за 1868 годъ“. Изъ частныхъ изданій А. И. Артемьевъ, по переселеніи на службу въ Петербургъ, принималъ участіе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1857 г. ч. X), гдѣ помѣщена обширная его статья „О народныхъ переписяхъ“, отчетливо излагающая ихъ исторію, организацію и результаты, и притомъ, имѣвшая тогда современное значеніе въ виду предполагавшейся на 1858 годъ десятой ревизіи, — въ газетѣ *Русскій Дневникъ* 1859 года и въ обоихъ „Энциклопедическихъ Словаряхъ“ — А. А. Краевского и нынѣ издаваемомъ — И. Н. Березина. Въ томъ и другомъ были печатаемы Артемьевыми статьи историко-статистическаго содержания.

Извѣстно, какъ важно въ статистическихъ трудахъ — критически оцѣнить первичныя данныя и аккуратно сдѣлать подготовительную черновую работу для упорядоченія и правильной постановки этого матеріала, прежде чѣмъ приступать къ систематическому распределенію итоговъ и къ опредѣленію отношеній между отдѣльными цифрами и ихъ группами. А. И. Артемьевъ, во всѣхъ своихъ статистическихъ рабо-

тахъ, въ высшей степени внимательно относился къ этой необходимой, хотя и не видной части труда, никогда не останавливаясь передъ громадностью нерѣдко требовавшихся при этомъ усилій. Напротивъ того, онъ былъ очень остороженъ и сдержанъ въ выводахъ и особенно въ объясненіи статистическихъ результатовъ. Чрезвычайно искусно умѣлъ онъ сочетать съ данными статистическими свой обширный запасъ этнографическихъ и историческихъ познаній. Поэтому съ особенною любовью обрабатывалъ онъ списки населенныхъ мѣстъ, которые давали разнообразную пищу его ученой изыскательности. Во всѣхъ написанныхъ имъ введеніяхъ къ спискамъ населенныхъ мѣстъ отдѣльныхъ губерній, кромѣ специально статистическихъ выводовъ, дано самое широкое мѣсто изслѣдованіямъ и замѣчаніямъ по исторической географіи и этнографіи. Движеніе колонизаціи, постепенное сліяніе первобытныхъ жителей съ позднѣйшими пришельцами и образованіе этимъ путемъ настоящаго населенія извѣстнаго края, распределеніе древнихъ сельбищъ, номенклатура населенныхъ мѣстностей, вліяніе природы на характеръ и промыслы жителей и обусловливаемое этимъ вліяніемъ образованіе разновидностей кореннаго народнаго типа—всѣ эти задачи, по преимуществу историко-географическія и историко-этнографическія, всегда занимали собою А. И. Артемьева и рассматривались имъ съ возможною подробностью, большею частью на основаніи самостоятельныхъ его розысканій.

Изъ числа редактированныхъ имъ списковъ два наиболѣе замѣчательны по полнотѣ обработки предпосланныхъ имъ введеній: мы говоримъ о спискахъ населенныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Казанской и Ярославской. Раздѣляя мнѣніе Н. И. Надеждина, что „наша древняя географія тѣмъ запутана, что никто не приурочивалъ ее живымъ наблюденіемъ“, и сожалья, что „у насъ еще не явился свой Реннель, который бы совершилъ пѣшехожденіе исключительно для проверки Большого Чертежа“¹⁾,—А. И. Артемьевъ въ обоихъ названныхъ трудахъ постарался примѣнить въ широкихъ размѣрахъ столь цѣнный имъ методъ сличенія древнихъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ свидѣтельствъ съ самыми мѣстностями, о которыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ говорится. Это, судалось ему тѣмъ лучше, что въ своихъ поѣздкахъ онъ не оставлялъ безъ замѣчанія дѣйствительно ничего касающагося древностей и народнаго быта, начиная съ земляныхъ сооружений—кургановъ, валовъ и городищъ,

¹⁾ Списокъ Каз. губ., введеніе, стр. XXXI.

и съ названій всякаго рода урочищъ и кончая особенностями народнаго хозяйства въ извѣстномъ краѣ и прозвищами, которыми характеризуются жители той или другой мѣстности. Это-то примѣненіе живого наблюденія дало А. И. Артемьеву возможность удовлетворительно рѣшить такіе вопросы, какъ, напримѣръ, означеніе предѣловъ древней Болгарской земли и движеніе славянской колонизаціи въ Ростовской землѣ, опредѣлить мѣстонахожденіе Шернсага лѣса, гдѣ, въ 1238 году, убитъ былъ Татарами Василько Ростовскій, или наконецъ, указать слѣды татарскаго населенія, нынѣ исчезнуваго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ярославской губерніи ¹⁾. Вообще можно сказать, что тщательная обработка историко-географическихъ и историко-этнографическихъ вопросовъ во введеніяхъ ко всѣмъ спискамъ населенныхъ мѣстъ, которые редактированы А. И. Артемьевымъ, дѣлаетъ эти этюды, небольшіе по объему, но богатые содержаніемъ, вкладами въ науку тѣмъ болѣе полезными, что мѣстная исторія весьма мало у насъ разработана. Будущій историкъ славяно-русской колонизаціи не только найдетъ въ этихъ трудахъ многочисленныя для себя указанія, но и приметъ многіе частные выводы, сдѣланные А. И. Артемьевымъ въ этомъ отношеніи, и вѣроятно, усвоить себѣ ту главную идею, которую постоянно проводилъ онъ въ своихъ очеркахъ, именно, что Славяно-Русское племл, какъ наиболѣе культурное на восточно-европейской равнинѣ, не столько матеріальною силой, сколько своею сравнительно высшею цивилизаціей покоряло своихъ иноплеменныхъ сосѣдей—Финновъ и Турковъ.

Къ Петербургскому періоду жизни А. И. Артемьева относится дѣятельность его въ трудахъ двухъ ученыхъ обществъ—Русскаго Археологическаго и Русскаго Географическаго. Въ *Извѣстіяхъ* перваго изъ нихъ помѣщено нѣсколько рецензій, написанныхъ А. И. Артемьевымъ; сверхъ того, онъ былъ участникомъ двухъ первыхъ археологическихъ сѣздовъ—въ Москвѣ и Петербургѣ, и принадлежалъ къ составу той ученой комиссіи, которая была избрана Петербургскимъ Археологическимъ обществомъ для изданія трудовъ втораго сѣзда. Предсмертная болѣзнь застала Александра Ивановича за этою работою. Въ комиссіи по устройству архивовъ, возникшей по инициативѣ втораго сѣзда,

¹⁾ Списокъ Каз. губ., введеніе, стр. XXXI—XXXIII и Списокъ Яросл. губ., введеніе, стр. XXIV—XXV и XXIX—XXXI. Ср. Отчетъ Геогр. Общ. за 1852 годъ, стр. 80.

А. И. Артемьевъ также явился членомъ въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ.

Еще тѣснѣе связанъ онъ былъ съ Обществомъ Географическимъ. Онъ дѣятельно трудился по двумъ его отдѣлениямъ — этнографіи и статистики, и можно сказать, что ни одинъ изъ главныхъ вопросовъ, въ нихъ возбуждавшихся, не выработывался безъ его участія. Имъ было рассмотрѣно большое количество присылаемыхъ въ Общество статей этнографическаго и статистическаго содержанія, преимущественно относительно губерній приволжскихъ. Постоянный членъ комиссій, ежегодно избираемыхъ отдѣлениями для присужденія медалей, онъ всегда являлся серьезнымъ и добросовѣстнымъ критикомъ всѣхъ трудовъ, разборъ которыхъ выпадалъ на его долю. Онъ написалъ между прочимъ рецензіи на сочиненія — г. Лаптева: „Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи“, — г. Кривошапкина: „Енисейскій округъ и его жизнь“ и общій обзоръ ученыхъ трудовъ В. П. Васильева при присужденіи Константиновской медали нашему знаменитому синологу. Въ другихъ ученыхъ комиссіяхъ, которыя были избираемы названными отдѣлениями, А. И. Артемьевъ былъ тоже почти постояннымъ членомъ, и вездѣ, какъ въ сферѣ чисто научной, такъ и при практической постановкѣ вопросовъ, его опытное слово имѣло особый вѣсъ. Въ особенности важно было его участіе въ комиссіи, разсматривавшей трудъ г. Куклинскаго надъ восстановленіемъ Большого Чертежа, гдѣ обширная историко-географическая эрудиція покойнаго нашла себѣ широкое примѣненіе.

Избранный редакторомъ двухъ первыхъ томовъ *Записокъ* отдѣленія статистики, А. И. Артемьевъ, можно сказать, мастерски исполнилъ это порученіе. Въ первомъ томѣ этого сборника помѣщенъ трудъ священника Ѳ. В. Гиляровскаго: „О рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи“. По отзыву секретаря отдѣленія статистики въ 1867 году, М. Н. Раевскаго, „рукопись протоіерея Гиляровскаго, замѣчательная по богатству содержанія, представляла тѣмъ не менѣе не мало затрудненій при редакціи. Авторъ — глубокій и тонкій наблюдатель, въ то же время не можетъ быть названъ ученымъ статистикомъ въ строгомъ смыслѣ слова: дойдя до научныхъ выводовъ преимущественно путемъ личныхъ наблюденій, онъ неизбежно впадаетъ въ недоразумѣнія, разрѣшая вопросы экономическіе, медицинскіе; вдобавокъ, крайне тяжелый слогъ и совершенно оригинальная терминологія нерѣдко затемняютъ сущность дѣла. И трудъ Ѳ. В. Гиляровскаго оставался въ рукописи до тѣхъ поръ, пока отдѣленіе не обратилось къ содѣйствию

Александра Ивановича. Благодаря неутомимому его старанію, I-й томъ *Записокъ* отдѣленія, сохраняя всю своеобразность труда отца Гляровскаго, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стройное цѣлое въ чисто-научномъ смыслѣ¹⁾. Второй томъ тѣхъ же *Записокъ* если и не потребовалъ отъ А. И. Артемьева такой коренной переработки, за то обогатился составленными имъ дополнительной статьею къ изслѣдованію В. А. Попова: „О движеніи населенія въ Вологодской губерніи“ и некрологомъ другого владчика въ этомъ же сборникѣ— А. Ѳ. Попова.

Въ дѣятельности отдѣленія этнографіи участіе А. И. Артемьева было столь же полезно. Нѣсколько примѣровъ тому приведено уже выше. Но должно указать еще на одно ученое предпріятіе этого отдѣленія, гдѣ помощь Александра Ивановича была существенно необходима. Когда въ 1868 году бывший секретарь Географическаго общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ членовъ Отдѣленія этнографіи обсудить вопросъ о составленіи этнографическаго атласа Россіи, Артемьевъ оказалъ горячее содѣйствіе разсмотрѣнію этого проекта, и подъ его руководствомъ былъ выработанъ первый планъ этого труда. Хотя проектъ этотъ оказался не осуществимымъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, но вскорѣ затѣмъ явилось предложеніе М. И. Венюкова объ изданіи новой этнографической карты Европейской Россіи; А. И. Артемьевъ и въ этомъ дѣлѣ явился однимъ изъ руководящихъ дѣятелей и много помогалъ указаніями своими почтенному редактору названной карты А. Ѳ. Риттиху. Наконецъ, свое глубокое уваженіе, и можно сказать, преданность ученой дѣятельности Географическаго общества А. И. Артемьевъ выразилъ составленіемъ, по случаю двадцатипятилѣтія Общества, замѣчательнаго обзора трудовъ его по исторической географіи (С.-Пб., 1873). Нельзя не вспомнить здѣсь о томъ, какъ трудясь надъ этимъ превосходнымъ критико-библиографическимъ очеркомъ и отдавая полную справедливость многимъ почтеннымъ работамъ своихъ сочленовъ по исторической географіи, покойный — самъ неутомимый трудолюбецъ—скорбѣлъ, когда находилъ, при тщательномъ просмотрѣ протоколовъ Общества, указанія на какіе-либо задуманные и не выполненные предпріятія и труды.

Всѣ эти разнообразныя заслуги А. И. Артемьева предъ Географическимъ обществомъ были почтены присужденіемъ ему въ 1867 г. малой

¹⁾ Отчетъ Геогр. Общества за 1867 годъ, стр. 80—81.

золотой медали и указали ему мѣсто въ совѣтъ Общества; въ этомъ званіи онъ пробылъ одно четырехлѣтіе, и чрезъ годъ послѣ того, вторично призванный къ исполненію тѣхъ же обязанностей, неслъ ихъ до самой кончины.

Наконецъ, въ 1867 и 1868 годахъ А. И. Артемьевъ имѣлъ честь сопровождать Его Императорское Высочество, великаго князя Алексѣя Александровича, въ путешествіи по Европейской Россіи и Кавказскому краю и въ плаваніи по Черному и Средиземному морямъ.

Но не одна только высоко-полезная ученая дѣятельность покойнаго, не только его трудолюбіе, его свѣтлый, просвѣщенный умъ и даровитость внушали уваженіе къ почтенному Александру Ивановичу. Всѣ обближавшіеся съ нимъ цѣнили въ немъ еще человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ истинно добрый, онъ никогда не выставлялъ на показъ скрытую нѣжность своей души; сдержанный въ обращеніи и въ выраженіи своего расположенія, онъ любилъ затаивать свои привязанности въ глубинѣ сердца. Но всегда снисходительный къ другимъ и строгій только къ себѣ, всегда благожелательный къ чужому успѣху и скромный въ признаніи лишь своихъ заслугъ, онъ всегда готовъ былъ помочь тому, кто желалъ его помощи: много найдется людей, особенно тружениковъ науки, которыхъ онъ ободрилъ и руководилъ своимъ добрымъ словомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ прямой и свое спокойное, разумное мнѣніе высказывалъ всегда безъ утайки, такъ, какъ требовала его совѣсть. За то у него не было — да и не могло быть — недоброжелателей: всякая неприязнь склонялась предъ этимъ благороднымъ, высоко-правственнымъ характеромъ. Вотъ почему незабвенный покойникъ пользовался такимъ полнымъ уваженіемъ, такую единодушную любовь всѣхъ знавшихъ его, какія выпадаютъ на долю немногихъ.

22-го октября 1874 года.

Л. Майковъ.

(Изъ № 11 Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го Ноября, 1874 года.

Типографія В. С. Балашева. (Больш. Садовая ул., д. № 49—2.)